

Биографический подтекст «Рассказа в пути» (1916) С. А. Ауслендера

Герои прозы С. А. Ауслендера часто оказываются наделены биографическими чертами автора или лиц из его окружения, а в сюжетную ткань рассказов нередко вплетены нити исторических событий. В качестве примера можно указать на рассказ «Записки Ганимеда» (1906) и роман «Последний спутник» (1913), прототипами героев которого стали Н. И. Петровская, В. Я. Брюсов, Вяч. И. Иванов, М. А. Кузмин и сам автор.

В настоящей статье мы сосредоточимся на «Рассказе в пути», опубликованном в седьмом номере журнала «Огонек» за 1916 г. Мы полагаем, что в «Рассказе в пути» изображены события из жизни Ауслендера, относящиеся, по меньшей мере, к двум периодам его жизни:

- К 1908 г., когда Ауслендер совершил совместное с Петровской путешествие в Италию.
- К 1914 г., когда Ауслендер путешествовал по Италии и Швейцарии, где летом его застала Первая мировая война.

Опишем в общих чертах начало дружбы Петровской и Ауслендера, опираясь на воспоминания Петровской, изданные в 1989 г. Э. Гаретто [Гаретто 1992], а также на исследования Н. А. Богомолова и А. В. Лаврова. По всей видимости, писатели познакомились в августе 1907 г. в редакции брюсовских «Весов» (Москва), куда Ауслендер приезжал по литературным делам. Посещение редакции впоследствии было запечатлено им в романе «Последний спутник»: в этой сцене герой романа впервые встречает героиню, прототипом которой стала Петровская.

Однако первая документально засвидетельствованная встреча двух молодых писателей состоялась в Петербурге 24 сентября 1907 г., о чем дядя Ауслендера Кузмин сделал в дневнике следующую запись: «Сережа не пришел: вероятно, приехала Петровская» [Кузмин 1905: 408]. Это же событие фиксирует сама Петровская в письме к Брюсову (из Петербурга в Москву) от 25 сентября того же года:

«...» пришел Ауслендер «...» Это свидание не было таким, как мы, шутя, с тобой говорили. Не говорил «дай», «будь моей», вел себя скромно, как ребенок. Он по-настоящему хороший мальчик «...» Смотрел он нежно, говорил, что очень меня любит «...» целовал руку, но все это не было ни пошло, ни грубо, а как-то хорошо и чисто в глубине «...» Он мне кажется маленьким мальчиком «...» он красивее, чем мне казался в Москве «...» Был у меня до 12 часов «...» Не подозревавай меня в дурном с этим мальчиком «...» Мне очень скучно в Северной Гостинице «...» Ауслендер нашел мне комнату в том же меблированном доме, где он живет. Не думай, честное слово, отдельную комнату и даже в другом этаже [цит. по: Лавров 2004: 238].

Спустя два дня, 27 сентября, Петровская пишет другое письмо Брюсову:

«...» вчера «...» весь день лежала с жестокой головной болью. Чтобы избавиться от кашля «...» приняла в два дня 15 порошков кодеина и, должно быть, немного им и отравилась «...» Теперь об Ауслендере «...» Вижу его много, каждый день «...» Я не знала, что существует такая невинная, скромная и тихая нежность. Он смотрит мне в глаза, несмело целует руки, говорит «...» печальные, по-детски наивные слова «...» Это красиво, но очень безжизненно «...» Он не может слышать о моем отъезде «...» Мне будет жалко расстаться с этим существом. «...» Я бы могла его очень долго и нежно любить, но не так, как ему нужно от меня [цит. по: Лавров 2004: 240–241].

Обратно в Москву Петровская уехала 29 сентября, пробыв в Петербурге шесть дней. После этой встречи Ауслендер посвятил ей рассказ «Корабельщики, или Трогательная повесть о Феличе и Анжелике» (опубликован в ноябре 1907 г.), а Петровская посвятила Ауслендеру сборник «Sanctus Amor» (1908), по предположению Лаврова, «возможно, “мстят” Брюсову за то, что он не провозгласил ее имени в “Венке”» [Лавров 2004: 19]. Об одном из рассказов сборника («Осень») Кузмин сделал в дневнике от 18 ноября 1907 г. следующую запись: «Прислали “Перевал”, где Нина посвящает Сереже очень компрометантную вещь» [Кузмин 1905: 426].

Уже в этих письмах Петровской присутствуют мотивы, повторенные затем в ее итальянских письмах к Брюсову и обыгранные Ауслендером в «Рассказе в пути». Отношения Петровской и Брюсова этого периода также получили своеобразное отражение

объясняет интонацию писем Петровской к Брюсову, в которых она говорит о любовных признаниях Ауслендера, о своей симпатии и сочувственном отношении к нему и в то же время отрицает возможность возникновения в ней ответных чувств.

Обратим внимание на две детали в письмах Петровской, которые окажутся важными при рассмотрении «Рассказа в пути». Во-первых, это сравнение Ауслендера с маленьким мальчиком, впоследствии многократно повторяемое в итальянских письмах Петровской к Брюсову. Во-вторых, это упоминание отравления кодеином (противокашлевое средство, содержащее опиаты и в высоких дозировках вызывающее эйфорию). Согласно Лаврову, в это время отношения Петровской и Брюсова периодически достигали кризисного состояния, а «временное облегчение давали Петровской только сильно действующие средства — алкоголь, затем наркотики. В 1908 г. она была уже всецело в зависимости от морфия» [Лавров 2004: 20].

Фабула «Рассказа в пути» разворачивается во время начала Первой мировой войны. Герой-рассказчик находится в поезде, следующем из «Женевы в Россию <...> через Париж, Лондон и таинственную Скандинавию» [Ауслендер 1916]¹. Напомним, что в 1914 г. Ауслендер совершил путешествие за границу, где летом его застала война: «<...> в ночь объявления войны переехал немецкую границу, был арестован, после некоторых передраг выслан в Швейцарию. В Россию добрался дальним северным путем через Париж, Лондон, Норвегию, Швецию» [Ауслендер 1928].

Из завязавшегося разговора с попутчиком-французом герой рассказа узнает трагическую историю любви, окрашенную в мистические тона. «Рассказ в пути» состоит из четырех глав, из которых первая и четвертая представляют собой обрамляющее повествование от лица героя-рассказчика и включают отсылки к путешествию Ауслендера 1914 г., а вторая и третья главы содержат трагическую историю любви француза и отсылки к путешествию Ауслендера и Петровской в Италию. На них мы остановимся подробнее.

¹ Далее в тексте при цитировании «Рассказа в пути» ссылки не указываются.

Особого внимания заслуживает переменчивость отношения графини к французу — от нежности до раздражительности, — и сравнение француза с маленьким мальчиком. Приведем для сравнения несколько цитат из итальянских писем Петровской к Брюсову:

7/20 марта: «<...> всякие выходки мальчика довели меня до того, что я хотела не ехать с ним. Но когда я сказала “не поеду”, — он понял серьезность угрозы и, немножко зная способность Ренаты к поступкам безумным, смирился и изменился» [цит. по: Лавров 2004: 258].

12/25 марта: «<...> смеюсь мальчику в лицо, и говорю ему, что ты Единственный, Вечный, Любимый навсегда, а он — кук-ла <...> шутка, забава, игрушка, с навеки испорченным механизмом» [цит. по: Лавров 2004: 269].

18/31 марта: «Что мне делать! — я иногда мальчика ненавижу до ярости. Это чаще всего по утрам. Встает беспомощный, слабый, беспричинно меланхоличный. Не умеет завязать галстук и причесаться» [цит. по: Лавров 2004: 280].

3/16 апреля: «Уеду летом надолго куда-нибудь с мальчиком. Может быть, в первый раз сегодня оценила его непритязательную тихую нежность и эти дни с ним, безрадостные, но легкие, как утренний сон» [цит. по: Лавров 2004: 296].

10/23 апреля: «<...> мальчик, может быть, единственное существо <...> с которым можно отдыхать <...> он все-таки тихий, красивый <...> и окружает меня самой бескорыстной кроткой нежностью» [цит. по: Лавров 2004: 306–307].

Это лишь малая часть примеров, иллюстрирующих перемену отношения Петровской к Ауслендеру во время их путешествия.

Другой сюжетной линией рассказа, отображающей факты биографии Петровской, оказывается употребление графиней наркотических средств, о котором француз узнает однажды ночью в квартире своей возлюбленной:

Однажды <...> я застал графиню в <...> гостиной. Она сидела в кресле не то в дремоте, не то глубоко задумавшись. Перед ней на столике стоял маленький венецианского стекла флакончик и лежал в бархатном футляре тоненький золотой шприц. Я окликнул графиню, она даже не пошевелилась. Страх <...>

любовнике — г-не Пекаре, который «отравился прошлой весной; в этот же день по уговору должна была умереть и графиня, но она не решилась и теперь ни днем, ни ночью не знала она отдыха. Г-н Пекар звал ее, он бродил по этим комнатам, она не видела его, но чувствовала его дыхание, слышала тяжелые вздохи и шелест шагов».

Стремление графини к невозможному соединению с своим погибшим любовником, на наш взгляд, указывает на Петровскую, которая не могла быть вместе с женатым Брюсовым. Брюсов оказывает сильное влияние на ее жизнь, подобно тому, как г-н Пекар влияет на поступки графини. Эта сюжетная линия изоморфна любовному треугольнику, изображенному в романе Брюсова «Огненный ангел» (1908), которую схематически можно описать так: героиня стремится к союзу с «потусторонним» возлюбленным, в результате чего ее отношения с «земным» персонажем оказываются обречены. Так, в «Огненном ангеле» героиня Рената влюблена в ангела Мадизеля, из-за чего страдает влюбленный в нее ландскнехт Рупрехт. В рассказе Ауслендера графиня стремится к умершему («потустороннему») любовнику, из-за чего страдает француз. О том, что «Огненный ангел», был актуален и для Ауслендера, свидетельствуют следующие строки письма Петровской: «Вчера он весь вечер читал “Огненного Ангела”, а когда стал ложиться спать, с ним сделалась подлинная истерика» [Лавров 2004: 292]. Ср. также строки из ответных писем Брюсова к Петровской, в которых он говорит о смерти и сравнивает себя с призраком:

- «Хочется смотреть на себя как на умершего. Хочется все свое прошлое отделить черной чертой от будущего» [цит. по: Лавров 2004: 302];

- «<...> все ли еще явно представляешь меня, или и я для Тебя стал чем-то вроде призрака?» [цит. по: Лавров 2004: 303].

В «Рассказе в пути» графиня не выдерживает незримого присутствия своего любовника и решается выполнить некогда нарушенный уговор, предлагая французцу последовать ее примеру. Он соглашается:

Оказалось, графиня уже сняла для меня виллу на берегу моря, ту же виллу, которая стояла пустой с прошлого года, после смерти Пекара. <...> Я уехал и 15-го июня, в годовщину смерти г-на Пекара <...> проглотил капсулю, данную мне графиней.

Как показывают письма Петровской, ее помыслы устремлены к морю как символу освобождения; встречаются в письмах и мысли о красивой смерти:

- «Очень мне хочется к морю <...> Если ничего не случится <...> то на остальные дни поеду к морю непременно» [цит. по: Лавров 2004: 282];

- «Ах, я хочу умереть в июне, чтобы смерть Ренаты списал ты с меня, чтобы быть моделью для последней прекрасной главы <...> мальчик такой же бессильный и утомленный, как я. “Два трупа встретились в могиле”, — нередко вспоминаю эту строчку» [цит. по: Лавров 2004: 288].

По сюжету рассказа француз остается жив и, проведя полтора месяца в клинике и будучи вызван из запаса, отправляется в свой полк, чтобы пополнить ряды солдат. В поезде он встречает рассказчика, которому поверяет свою трагическую историю. В четвертой главе француз покидает поезд, а рассказчик отправляется дальше — в Россию.

Поскольку оба героя «списаны» с автора, можно констатировать его метафорическое расставание с самим собой: «француз», жизнь которого отразила знаменитую символистскую историю, остается в прошлом, а герой-рассказчик едет в Россию с ее настоящими, а не выдуманными трагедиями. В пользу самоотождествления автора с рассказчиком говорит приведенная в тексте автохарактеристика последнего — «чужеземец» (дословный перевод фамилии Ауслендер: (нем. *Ausländer*) — чужеземец, иностранец).

В заключение приведем слова А. М. Грачевой, согласно которой концепция третьего сборника Ауслендера «Сердце воина», вышедшего в том же году, что и «Рассказ в пути», заключается в следующем: «<...> то, что интересовало образованных людей раньше, до войны, теперь, перед лицом всенародного бедствия

.....
<...> представляется далеким сном, эстетской игрой» [Грачева 2005: 35]. Неслучайно поэтому француз заканчивает свою историю следующими словами: «Как страшно, сейчас я сам не верю, что все, что я рассказал, было на самом деле».

СОКРАЩЕНИЯ

Ауслендер 1916 — *Ауслендер С.* Рассказ в пути // Огонек, №7. Петроград, 1916.

Ауслендер 1928 — *Ауслендер С.* Автобиография // Писатели: автобиографии и портреты современных русских прозаиков. М., 1928. С. 30.

Белый 1990 — *Белый А.* Начало века. М., 1990.

Гаретто 1992 — *Гаретто Э.* Жизнь и смерть Нины Петровской // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 8. М., 1992. С.7—138.

Грачева 2005 — *Грачева А. М.* Петербургское чародейство (Проза Сергея Ауслендера 1905—1917 годов) // Сергей Ауслендер. Петербургские апокрифы. СПб., 2005. С. 8—18.

Кузмин 1905 — *Кузмин М. А.* Дневник 1905—1907. СПб., 2000.

Лавров 2004 — *Лавров А. В.* Валерий Брюсов и Нина Петровская: биографическая канва к переписке // Богомолов Н. А. Лавров А. В. Брюсов Валерий. Петровская Нина. Переписка: 1904—1913. М., 2004. С. 5—41.

Ходасевич 1991 — *Ходасевич В. Ф.* Некрополь. Воспоминания. М., 1991.